

А. Г. Селезнев

**ИСЛАМ В СИБИРИ:
НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

АННОТАЦИЯ. Рубеж XX–XXI вв. знаменовался бурным всплеском исследовательского интереса к исламу в Сибири. В статье обсуждаются некоторые тенденции антропологического изучения данного феномена. Формирование мусульманской религиозной культуры в Сибири протекало на базе синкретичного по характеру, регионального, «народного» варианта ислама. Наиболее наглядно региональный вариант ислама в Сибири проявляется в форме культа святых. Связь Сибири с остальным исламским миром демонстрируют святыни астана, являющиеся ключевым элементом данного культа. Специальное внимание в работе уделено трансформации института смотрителей за священными могилами. Последний выступает в качестве важнейшего механизма формирования религиозных элит. Обсуждается возвышение роли женщин в функционировании рассматриваемого института. В статье анализируется феномен книжной культуры мусульман Сибири, традиция создания и ритуального использования местных исламских религиозных текстов. Актуализация и «открытие» священных мест, усиление роли религиозных элит, в том числе смотрителей за святыми могилами, сакрализация рукописных и старых печатных религиозных книг рассматриваются как факторы формирования исламской религиозной идентичности. Сибирская эмпирика вполне соответствует конструкционистской (антиэссенциалистской) модели развития общественного, в том числе религиозного, сознания. В рамках обществ с такой идеологией принципиально невозможно выстраивание некоего монолитного религиозного дискурса, но при этом религиозный фактор выступает в качестве удобного инструмента национального конструирования и легитимизации элит.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антропология ислама, Сибирь, культ святых в исламе, исламские религиозные элиты, исламские комплексы астана, исламские тексты, религиозная идентичность

УДК 297.17(571.1/.5)

DOI 10.31250/2618-8600-2018-2-160-187

СЕЛЕЗНЕВ Александр Геннадьевич — к.и.н., с.н.с., Омская лаборатория, Институт археологии и этнографии СО РАН; доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

E-mail: seleznev@myttk.ru

Памяти Игоря Белича

На излете XX в. вышла книга британского историка российского происхождения Равиля Бухараева «Islam in Russia: the Four Seasons». Симптоматично название главы, посвященной исламу в Сибири, — «Terra Incognita» (Bukharaev 2000: 251–266). Несмотря на то, что проблематика ислама в Сибири начала разрабатываться с рубежа XVII–XVIII вв., метафора британского автора отражала тогдашний уровень знаний о Сибири в мировом исламоведении.

Однако на рубеже веков ситуация меняется. В 2000 г. выходит специальный номер журнала «Cahiers du monde russe», практически все статьи которого посвящены исламу в Сибири (Dudognion 2000: 207–444; Селезнев 2001). Затем работы, так или иначе затрагивающие тему сибирского ислама, идут непрерывным потоком. По своему характеру эти работы весьма разнообразны: публикации документов, историографические и источниковедческие очерки, исторические и антропологические исследования (Исхаков 2002; 2006; Корусенко 2003; Ислам в истории... 2004; Селезнев, Селезнева 2004 и др.; Белич 2005; Рахимов 2006; Ислам на краю света... 2007; Исхаков, Измайлов 2007). Подводя в 2009 г. промежуточный итог, известный французский специалист Стефан Дюдуаньон (Dudognion 2009) констатировал полноценное включение сибирских материалов в мировой исламоведческий процесс. Автор отметил формирование двух подходов к изучению ислама в Сибири — исторического и антропологического, и наличие двух школ — в Омске (Россия) и в Блумингтоне (Индиана, США) — в изучении этого феномена.

В том же году была опубликована наша совместная с И. А. Селезневой и И. В. Беличем книга о культе святых в сибирском исламе (Селезнев и др. 2009). В последующие годы выходит серия монографических работ, полностью или частично посвященных исламской проблематике в Сибири (Костюков 2010; Тычинских 2010: 214–219; Исхаков 2011: 25–41, 159–180; Корусенко 2011: 7–13; Матвеев, Татауров 2012; Трепавлов 2012; Ярзуткина 2012: 7–9; Frank 2012: 45–50; Корусенко и др. 2013). Материалы по исламу в Сибири вошли в фундаментальные обобщающие труды «История татар» (Белич 2014; Исхаков 2014), «История и культура татар Западной Сибири» (Исхаков 2015; Рахимов 2015; Селезнев, Селезнева 2015а), «Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии» (Ярков 2014; Селезнев, Селезнева 2017), «Orta Asya'da İslâm: Temsilden Fobiye» (Селезнев, Селезнева 2012) и др.

Публикации охватывают широкий круг вопросов: культ святых в сибирском исламе; книжная культура и религиозное образование; среднеазиатское (бухарское) влияние и роль религиозных элит среднеазиатского происхождения на формирование культурно-религиозной идентичности сибирских мусульман; исламский фактор политического развития

средневековых государственных объединений Сибирского Юрта; мусульманский компонент в повседневном быту и традиционной культуре татар Сибири и др. На фоне роста количества публикаций, важнейшим остается вопрос о том, привел ли этот рост к качественным прорывам в понимании специфики ислама в Сибири и его места в мировом исламском процессе? Оставляя специалистам смежных областей право ответа на этот вопрос, попытаемся сформулировать кратко основные достижения, перспективы и проблемные области в пределах своей компетенции.

Занимаясь изучением различных аспектов исламской культуры в Сибири на основе этнографических материалов, мы пришли к важному, на наш взгляд, методологическому выводу, согласно которому представления об этнической культуре групп сибирских татар (в наибольшей степени это касается тоболо-иртышской группы) были тесно связаны с исламским фактором, в значительной степени этнокультурная идентичность совпадала с исламско-религиозной идентичностью. Однако в период собственно научного изучения (XVIII и особенно XIX–XX вв.) формирование мусульманской религиозной культуры протекало в условиях отсутствия развитой теологической традиции, широкого религиозного дискурса, неоформленности школ и течений. Фактически процесс сложения этноконфессиональной общности проходил на базе синкретичного по характеру регионального «народного» варианта ислама со сравнительно незначительной и тоже, в общем-то, фольклорной по происхождению письменной традицией. Указанные процессы имели место в относительно близком прошлом, более того — эти процессы протекают и сейчас, являясь существенным фактором современного этнического развития сибирских татар.

В силу перечисленных обстоятельств можно предполагать, что процесс формирования, строительства элитами представлений о религиозной этнической культуре и соответственно сложение этноконфессиональной общности на основе этих представлений может быть зафиксирован и изучен этнографическими методами. Здесь на практике, в «этнографическом поле» можно наблюдать процессы сохранения и изменения этноконфессиональной идентичности, происходящие на современном этапе, взаимодействие религиозного и секулярного в конкретной этнической среде; влияние социальных элит (аристократических групп) (Бустанов, Корусенко 2010; Татауров 2010; Ахметова 2013; Селезнев, Селезнева 2013; Бустанов, Корусенко 2014) на формирование представлений о новой этноконфессиональной культуре и связанные с этим вопросы сохранения и изменения религиозных и культурных ценностей на фоне процессов глобализации и унификации.

Наиболее наглядно региональный вариант ислама в Сибири проявляется в форме культа святых — феномена, универсального для всего исламского мира, но при этом всюду решительно отторгаемого представителями

пуристских реформистских течений. Как и повсюду в исламском мире, в Сибири содержание данного культа составил комплекс ритуальных действий, связанных с почитанием священных могил и захороненных на них святых подвижников. Важнейшую роль в развитии рассматриваемого культа сыграли суфийские братства и суфизм в целом. Именно с суфийским влиянием связывается формирование религиозной элиты сибирской исламской общины, сведения о которой фиксируются этнографически и в начале XXI в.

Начиная с 2000-х гг. группа исследователей выполняла специальный проект по изучению культа святых в исламе в Сибири. В итоге была издана упомянутая выше монография (Селезнев и др. 2009) и серия статей (Белич, Бустанов 2010; Seleznev, Selezneva 2011; Селезнев, Селезнева 2012; 2013; Селезнев 2013; Белич 2014; 2015). Другие исследователи также обращались к проблематике культа святых в Сибири. Объектом их изучения стали святилища *астана* и сопровождающие их культ письменные памятники (Сайфулина, Хасанова 2008; Бахтиев 2013; Sayfulina et al. 2013; Karabulatova et al. 2014; Рахимов 2015; Karabulatova, Sayfulina 2015; Khusnutdinova et al. 2015 и др.). К сожалению, в большинстве этих работ не учтены результаты новейших исследований, в том числе и наших. Кроме того, пытаюсь следовать насаждаемым новыми «менеджерами от науки» тенденциям и писать на не известных им языках, авторы порой создают катастрофически скверные лингвистические конструкты. Например, заглавие одной из работ звучит следующим образом: «Astana the Capital of Kazakhstan and Astanas in Siberia as a Linguistic Cultural Aspect of the National Islam of Eurasia». Как это понимать? На каком языке написана эта фраза?

В Сибири культ святых в исламе включает в себя: 1) традиционные представления о древних миссионерах (*йахишлар*, *аулийалар*, *амбийялар*, *хайбиреннер*), распространивших исламскую веру среди сибирских язычников, погибших в борьбе с ними, и похороненных на местах нынешнего расселения сибирских татар; 2) почитание мест этих легендарных захоронений (в Сибири они носят название *астана*) и паломничество к ним; 3) представления об исламских персонажах (Хаким-Ата, Занги-Ата, Хазыр-Ильяс, Хасан, Хусейн, Айша, Фатима и других), получивших в традиционной религии народную, фольклорную форму и функции; а также культ внеисламских по происхождению религиозно-фольклорных образов, например духов-хозяев местности, промысловых покровителей и т. д.

Связь Сибири с остальным исламским миром демонстрируют святилища *астана*, являющиеся ключевым элементом культа святых в исламе в Сибири. Эти памятники распространены в основном в южных районах Тюменской и северных районах Омской области, а именно в Тобольском, Уватском, Вагайском, Ялуторовском районах Тюменской области, Усть-Ишимском, Тевризском районах Омской области. По

информации, имеющейся на сегодняшний день, самый южный по расположению памятник *астана* фиксируется в деревне Лугово-Аевск (тат. *Тубэн-ой*) Тевризского района Омской области (Селезнев 2012). В целом святилища находились на местах расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар.

Внешне *астана*, как правило, представляет собой мавзолей в форме большого четырех-, шести- или восьмиугольного сруба в пять–девять венцов. Эти мавзолеи могут быть установлены на деревенском кладбище либо вблизи него, а могут занимать отдельное место, чаще всего на возвышенном живописном речном утесе или на необычайно красивом озере. Впрочем, многоугольный сруб — не единственный вариант внешнего оформления таких святилищ. Некоторые из них могли «приурочиваться» к какому-либо выдающимся природным объектам (например, большие деревья, камни, возвышенности и т. д.) или археологическим памятникам разных эпох. Однако какой бы ни была форма, содержание всегда одинаковое.

В сознании верующих *астана* — места захоронений мусульманских святых (*йахшилар*, *аулийалар*, *амбийалар* и *хайбиренер*). Практически повсеместно сибирские татары сохранили легенды о древних миссионерах из Средней Азии (чаще всего из Бухары), прибывших некогда в Прииртышье для распространения исламской веры. В преданиях повествуется об ожесточенной священной войне с местными язычниками, в ходе которой большая часть подвижников ислама была истреблена. Павших святых с почетом похоронили в тех местах, где они вели проповедническую деятельность. Эти захоронения и называются *астана*. Считается, что в каждом из них погребен один или несколько миссионеров.

Углубленные полевые исследования *астана*, расположенных на территории расселения тоболо-иртышских татар, показали, что по сути это не только и даже не столько видимый, овеществленный памятник, сколько сложный, поликомпонентный социально-религиозный институт, состоящий из ряда элементов: мавзолея, ритуалов паломничества *тавап*, смотрителей за гробницей (*астана-караулче/карулче*, *астана-курайте*), рукописных памятников *сэцэра* (*шэджэрэ*), содержащих более или менее полные сведения о местах захоронений и тех святых подвижниках, которые на них похоронены (Селезнев и др. 2009: 101–152).

С точки зрения определения места Сибири в мировом исламском пространстве крайне важно следующее. Слово *астана* персидского происхождения. Родственные термины (*астана*, *остон*, *астане*) довольно широко распространены в исламских общинах Казахстана, Средней Азии, Приуралья, причем везде они связаны с культом святых в исламе. Наиболее полные аналогии имеют место на Памире, среди местных исмаилитских ираноязычных групп, где святилища вокруг гробниц святых подвижников назывались *остон*. Аналогичная терминология со схожей семантикой функционирует в ритуальной практике ряда суфийских

орденов: маулавийа, бекташийа (Селезнев, Селезнева 2009а). Кроме примеров, приведенных в специальной статье (Селезнев, Селезнева 2009а: 353–354), в этом последнем значении данный термин получил распространение как непосредственно в Стамбуле и анатолийских городах (Lifchez 1992: 76; Şimşekler 2007: 150–151), так и среди специфических исламских групп, например, гетеродоксных мусульман (бекташи и кызылбаши/алевиты) в Болгарии (Миков 2007: 39).

Назвать точное число святых мест *астана* в Западной Сибири не представляется возможным. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, работа по кодификации и картографированию данного вида памятников не проведена в полном объеме. Во-вторых, нужно иметь в виду, что культ святых — явление живое и динамичное. Развитие процессов этнической и религиозной идентификации сопровождается «открытием» и явлением в мир новых святынь и, таким образом, их число увеличивается.

Составленные на настоящий момент разными авторами списки культовых комплексов *астана* (а эти списки включают в основном памятники, расположенные на территории Тюменской области) насчитывают от полутора до двух с половиной десятков объектов (см., например: Алишина 1999: 114–188; Рахимов 2006: 32–58). Имеющиеся в краеведческой и околонаучной литературе упоминания о 80 или даже 350 комплексах ничем не подтверждаются (ср.: Белич 2014: 484). В своей книге мы привели информацию, касающуюся следующих культовых комплексов: группа памятников у Искера, Цингалинская *астана*, комплекс *астана* вокруг деревни Большая Тебендя и рядом с деревней Саургачи Усть-Ишимского района Омской области, Ташатканский камень, Тюрмитякская *астана*, Баишевская *астана*, *астана* юрт Кобякских, деревни Аллагулово и Еланка (тат. Кёмешли) Вагайского района Тюменской области, Большеуватский комплекс культовых мест, Эбаргульская сопка и др. (Селезнев и др. 2009: 102–126). Дальнейшее накопление и осмысление материала привело к публикации специальной статьи, посвященной Тюрметякской *астане* (Селезнев 2013).

Одним из важнейших компонентов религиозной культуры сибирских мусульман является институт смотрителей (*астана-караулче*, *астана-курайте*) за священными могилами. И в преданиях, и в живой этнографической традиции всемерно подчеркивается связь смотрителей с кругом лиц, осуществлявших некогда миссию распространения ислама в Сибири и получивших в результате статус святых подвижников. Эта связь может иметь как сугубо генеалогический характер, так выступать в форме цепи духовной преемственности (*силсила*). Представления о принадлежности ряда местных родов к элитарным исламским группам ходжей и саййидов продолжают функционировать в среде сибирских татар до сих пор, несмотря на все перипетии атеистического XX в. Специальные

историко-этнографические и археографические исследования элитарных родов Имяминовых, Шиховых, Айтикиных, Кульмамет(ь)евых показали, что эти традиции сохранялись на протяжении веков (Бустанов, Корусенко 2010; Bustanov 2013; Бустанов, Корусенко 2014; Бакиева 2015; Самигулов, Тычинских 2018).

Круг обязанностей зрителей широк — это и сбор средств на установку и поддержание памятника, и организация ежегодного паломничества *tavan*, и проведение поминальных молитв. Поминания святых борцов за веру, павших в старой религиозной войне, являются важной составной частью молитв и благопожеланий *тэляк*. Тексты молитв и благопожеланий произносятся в ходе различных семейно-религиозных обрядов, например поминовений предков (*хотым*) или перед отправкой в дорогу (*юл хаир*).

Получение дара зрителя является следствием определенных обстоятельств (например, явление захороненного святого во сне) и сопровождается специальными обрядовыми действиями. Право зрителя легитимизируется представлениями о духовном (а иногда и реальном) родстве с похороненным в данной местности святым. Тенденции выделения элитарных религиозных групп являются отражением воздействия мусульманской культуры центральноазиатского региона (Селезнев, Селезнева 2018), а также несомненным следствием суфийского влияния (Исхаков 2011; 2014: 467–480; Маслюженко 2015; Bustanov 2013).

Наше внимание привлекла одна особенность. Едва ли не большая часть наших собеседников — зрителей за священными могилами — женщины. В нашей книге (Селезнев и др. 2009) даны портреты этих замечательных женщин: С. С. Хучашевой и А. С. Шиховой — зрителей за *астаной* села Баишево Вагайского района Тюменской области; В. А. Шуркиной — зрительницы за *астаной* на озере Кульчан того же района; Ф. А. Ахметчановой — зрительницы за *астаной* у деревни Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. Между тем традиционно функции зрителей передавались по мужской линии. По мнению некоторых респондентов, нарушение традиционного порядка обретения дара зрителя произошло вследствие прямых репрессий против мужчин, исполнявших религиозные функции (зрителей, мулл и т. п.). Немаловажное значение имело, вероятно, и понижение статуса религиозного лидера, явившееся следствием воинствующей антирелигиозной пропаганды.

Интересна в плане обсуждаемой проблемы судьба Фархичамал Агатовны Ахметчановой (Юмашевой), 1927 г. р., зрительницы за священной могилой, расположенной близ деревни Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. В 2006 г. в ходе экспедиции нам удалось с ней встретиться и взять большое интервью, содержание которого подробно изложено в книге (Селезнев и др. 2009: 111, 143–144). Каждый

четверг Ф. А. Ахметчанова совершала *котым* (молитву), в память похороненных на *астане* подвижников (*йахшилар*). Кроме того в ее обязанности входил сбор *саадаки* (подаяния) и организация специальной трапезы — *астана-ош* или *йахшиларнын-ош*, которая также происходила по четвергам после возвращения с *астаны*. Информант сообщила, что в ее роде из поколения в поколение передавалась *эзэра* (родословная) в виде книжки, и ее обладатель получал статус зрителя.

В процессе нашей беседы Фархичамал Агатовна показала нам запись генеалогической линии своих предков из рода Юмашевых по мужской линии. Напротив каждого из имен, входящих в схему, стояла дата рождения. Основатель рода Сауран родился в 1644 г., всего документ сохранил запись четырнадцати поколений.

По семейному преданию, этот род принадлежит к духовному сословию шейхов — *шихляр* и, возможно, саййидов. Основатель рода — Саур(ч)ан — был *ших* (шейхом), прибывшим для распространения веры. Его сопровождали еще два шейха, но их имена неизвестны. Саурчан основал деревню, которая стала называться по его имени Саургачи. В этой связи, кстати, кажется неслучайным сходство этого топонима с названием города Сауран, располагавшегося неподалеку от Сыр-Дарьи, на 35 км северо-восточнее гор. Туркестан. Именно на Сауран шла одна из важнейших торговых дорог из Сибири. Из этого рода выходили зрители за священными могилами *астана* — *астана-курайте*. В 1995 г. получила свой статус зрителя сама Фархичамал Агатовна.

Следует подчеркнуть, что тайно священные могилы почитались верующими в течение всего советского периода. Так, полная драматизма история о получении дара, позволяющего быть зрительницей, Варакой Абдулхаировной Шуркиной (Иксановой) случилась в середине 1940-х гг., то есть в самый пик сталинского тоталитаризма (Селезнев и др. 2009: 147–148). «Агиографические» предания о похороненных на *астана* святых подвижниках широко распространялись на протяжении всего советского периода. Атеистическая брошюра 1960-х гг. повествует о том, что «в юртах Бегишевских [Вагайского района Тюменской области. — А. С.] сбором подаяний для “святой” могилы занималась Рабига Абдуллина. Она ездила по селам Вагайского и соседних районов, важно ходила из дома в дом и “именем аллаха” требовала для святого места подношений. А вернувшись, собирала “мулл”, угощала их, организовывала коллективные молебны». В ходе товарищеского суда деятельность Рабиги подверглась «разоблачению» и «осуждению». Она рассказала, «как наживалась на подношениях для “святой” могилы, потом дала слово больше не заниматься такими делами. И с тех пор она перестала ездить по селам, отказалась от роли “уполномоченного” Аллаха». «Одним активным религиозником стало меньше», — с удовлетворением констатировал автор брошюры (Фахрутдинов 1967: 14).

Рис. 1. Имам мечети Ихлас Фагиль хазрат Кулбагин. Село Уленкуль Большереченского района Омской области. Фото А. Г. Селезнева. 2017 г.

В перестройку и в постсоветский период роль института *астана* увеличилась. «Открытие» мест захоронений святых предков, возведение на этих местах деревянных мавзолеев стали важным элементом самоидентификации для жителей почти всех поселений тоболо-иртышских татар. Высокий уровень значимости обрели коллективные паломничества, молитвы и жертвоприношения, связанные с *астаной*. Одновременно наблюдается повышение статуса представителей религиозной элиты, связывающих свое происхождение с похороненными святыми подвижниками. По-видимому, в близком будущем следует ожидать усложнения процесса легитимизации связей религиозной элиты со святыми предками.

Частные аспекты культа святых также выводят на широкие кросскультурные сопоставления. Как уже было отмечено, весьма важным моментом культовой практики почитания священных могил был мотив общения во сне со святыми подвижниками. Такое общение было существенной частью процедуры передачи полномочий смотрителей в случае отсутствия прямых наследников по прямой линии. Обычно, когда прежний смотритель уже был не в состоянии исполнять свои обязанности, к нему во сне являлся похороненный на местной *астане* святой и указывал, кому из односельчан следует передать *сэцэра* и, соответственно, все полномочия

и обязанности *астана-караулче*. Общение со святыми подвижниками во сне играло важнейшую роль также в процессе «открытия» и явления в мир самих священных могил (Селезнев, Селезнева 2009b; 2013: 127–131).

Как известно, сновидения — одна из наиболее перспективных антропологических тем (Соколовский 2006; Shulman, Stroumsa 1999; Tedlock 1987). Сравнительные исследования выявили отдельный комплекс сновидений, содержанием которых является общение с духами-хранителями, дарующими искателям особые знания и сверхъестественные способности. Значительное место в традиционной культуре занимают сновидения, содержащие мотив открытия или создания религиозной святыни (Панченко 2002: 13–17; Рабинович 2013: 52, 53–55, 60–64, 104–111, 112–118). В последние годы актуальность изучения роли (сно)видений в исламской культуре была подтверждена в специальных исследованиях (Резван 2009; 2011: 117–148; Felek, Knysh 2012).

Одним из самых ярких и впечатляющих достижений сибирского исламоведения безусловно является открытие книжной культуры мусульман Сибири. Собственно говоря, это открытие также имеет длительную историю, восходящую к XVIII в. В XIX — начале XX вв. сибирско-татарскими рукописями занимались выдающиеся тюркологи мирового уровня В. В. Радлов и Н. Ф. Катанов. Во второй половине XX в. сбор археографических материалов возобновился. В начале XXI в. в рамках проекта по изучению культа святых в сибирском исламе И. В. Белич, А. Г. Селезнев и И. А. Селезнева предприняли полевое этнографическое исследование сакральной функции книги и ее роли в формировании этнокультурной идентичности сибирских татар. Новейший этап исследований связан с именем Альфрида Бустанова. После ряда важных открытий и публикаций многочисленных статей А. Бустанов выпускает большую монографию, обрисовывающую на настоящий момент актуальное состояние разрабатываемой темы и итоги ее предыдущих исследований (Бустанов 2013).

На самом деле библиотеки арабографических рукописных и печатных книг и свитков, хранящиеся в деревенских домах среди глухой сибирской тайги, оказывают сильное впечатление. Эти собрания бережно собирались, сохранялись, передавались из поколения в поколение. Они и сейчас являются важным элементом культурной и религиозной самоидентификации мусульман Западной Сибири. Коллекции включают рукописные и старопечатные копии Корана, рукописные богословские сборники-хрестоматии, наставления по суфийским ритуалам и практикам (Бустанов 2013).

Изначально носителями мусульманской книжности в Западной Сибири были бухарцы — разнотничные (преимущественно узбеки, таджики) выходцы из Средней Азии. Как отмечалось, они составляли в Сибири в XVII–XVIII вв. особое сословие, обладавшее большими правами и привилегиями (Inan 1968; Burton 1997: 397–399, 502–542; Noack

2000; Корусенко 2011: 17–48; Frank 2012: 45–50). Бухарцы «были более образованны, чем русские пришельцы»; «...В XVII столетии они были единственными людьми в Сибири, в руках которых была книга. В XVIII столетии иностранцы, попавшие в Сибирь, нашли у них редкие рукописи» (Потанин 1884: 41).

Особый интерес вызывают оригинальные сибирско-татарские сочинения, составленные в местной среде и излагающие собственную версию исламизации Сибири. Наиболее полная информация содержится в двух группах письменных памятников, каждая из которых известна к настоящему времени в нескольких вариантах. Первая группа текстов условно названа *Шаджара рисаласи* — «Трактат о генеалогии». Впервые текст был зафиксирован и опубликован В. В. Радловым, а к настоящему времени известно пять списков и две версии памятника (Радлов 1872: 212–215, 217–220; Катанов 1897: 51–61; Бустанов 2009а; Bustanov 2011).

Введение в научный оборот второй группы памятников началось с публикации Н. Ф. Катановым в начале XX столетия сибирско-татарской рукописи, хранившейся в Тобольском губернском музее (рукопись и ныне находится там же — сейчас это Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник). К настоящему моменту известно больше десяти списков текста в двух, созданных, вероятно, в разное время, редакциях — краткой и пространной. Один из списков, так называемая *Карагайская рукопись* (пространная редакция), был открыт в ходе экспедиции под руководством А. Г. Селезнева в ауле Карагай Вагайского района Тюменской области в 2004 г. Сведения о последнем по времени обнаружении варианте, *Сингульской рукописи*, были опубликованы в 2017 г. (Зиннатуллина и др. 2017). Несмотря на имеющиеся различия, структура всех списков сравнительно одинакова. Согласно манускриптам (в данном случае — *Карагайской рукописи*), в 797 г. Хиджры (1394–1395 гг. н. э.; дата условна, в некоторых списках приведена другая датировка событий) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе хан Шайбан с 1700 лучшими воинами и учинили там «великое сражение за веру» с жившими по берегам Иртыша «язычниками» — народами Хутун, Нугай, Кара Кипчак и Иштяк. Прибывшие в Сибирь мусульманские миссионеры считались учениками и последователями Худжи Багаутдина. В образе этого персонажа большинство интерпретаторов видят Ходжу Бахааддина Накшбанда (1318–1389), заложившего организационные основы суфийского тариката, названного по его прозвищу Накшбандией. В результате религиозной войны местное население было обращено в ислам, но часть его бежала на север и в Китай. 300 шейхов и 1448 богатырей Шайбана погибли, «стяжав мученический венец», часть осталась в Сибири для обучения основам ислама, а остальные вернулись в Бухару. «После этого открылась религия, открылась дорога, по берегам реки Джирс (Иртыш) прошли караваны. Ученые, худжи,

ишаны начали приходить для обучения религии, все были из мистиков-суфиев». Важнейшей частью *Карагайской рукописи*, как и других версий текста, был каталог 30 мавзолеев-астана (مناتسا / مناطسا) с указанием их расположения и имен захороненных там святых подвижников ислама. Полевые исследования уже давно установили соответствие сведений, содержащихся в этих источниках, с современными этнографическими материалами, что фактически документирует существование живой традиции почитания исламских подвижников верующими Сибири, несмотря на все известные трансформации религиозного сознания, имевшие место в России в XX столетии (Катанов 1904; Белич 2005; 2014; Рахимов 2005; Селезнев, Селезнева 2006; Селезнев и др. 2009: 42–47, 193–206, прил. 3; Белич, Бустанов 2010: 45–50; Бустанов, Белич 2010; Бустанов 2011: 50–60; 2013: 92–94, 181–182; Bustanov 2013: 74–75).

Интересно, что ранние описания арабографических сибирско-татарских книг были выполнены по инициативе Русской православной церкви. Значительное количество материалов об этих книгах, датированных первой половиной XVIII столетия, сохранилось в архиве Тобольской Духовной Консistorии. Появление этих материалов связано с попытками обращения в христианство сибирских татар-мусульман. Разумеется, эти материалы характеризует активная, хотя и весьма наивная, антиисламская риторика. В то же время следует признать довольно высокий уровень описания внешнего вида «книжек», а также любопытные подробности их ритуального применения: ношение «на грудях», помещение «в могилку», использование «...от мертвых тел савана или покрывала обрезанные лоскутки с... заговорными на своем языке письмами...» и т. д. (ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 6, 111об., 113об., 109об, 117об.; Там же. Д. 772. Л. 31). Нам неоднократно приходилось держать в руках манускрипты, которые соответствуют архивным записям, в той части, например, где говорится о маргиналиях, выполненных красными чернилами. Подтверждаются современными материалами и ритуальные особенности функционирования манускриптов, связанная с ними обрядность, включенность их в религиозную культовую практику.

В советский период власти конфисковывали и уничтожали рукописные мусульманские книги в рамках борьбы против религиозной пропаганды. Верующие противодействовали этим акциям всеми возможными способами. Книги прятали, хоронили вместе с умершими владельцами в могиле, просто закапывали в лесу.

Сейчас уже почти никто из местных жителей не может прочитать эти книги, однако они активно используются в качестве ритуальных артефактов. Более того, именно невозможность прочесть и понять смысл текстов определяет высокий уровень их святости. Книги соединяют мусульман с традициями предков. Эти артефакты рассматриваются как важный индикатор ассоциации с исламским сообществом, в некотором роде — как

символ возрождения ислама. Пример использования сакральных текстов в культовой практике привел портал «IslamRF». 29 сентября 2008 г. владец *Карагайской рукописи* имам мечети Рахматулла Хасанович Батинов продемонстрировал ее гостям во время ифтара (Тюменский казыят 2008).

Не является чем-то особенным и обычай захоронения вместе с покойным священных религиозных текстов (Белич, Богомолов 1991: 173). Информанты неоднократно сообщали нам, что в могилу необходимо класть листы с арабографическими текстами, причем укладывать их необходимо именно в области груди погребенного. Жительница деревни Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области Хатира Вагитовна Алеева не только продемонстрировала нам свое погребальное одеяние (рубашу *очмок куйлек* и платок *яулак*), но и показала, каким образом помещаются в могилу листы с арабографическими текстами. Она указала, что эти листы будут возложены именно на грудь, чтобы покоящиеся под землей святые *аулийалар* смогли бумагу увидеть и написанное прочесть. Кроме того, информант рассказала, что для духовного очищения необходимо съедать отрывающиеся кусочки бумаги с текстами (МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 2007 г. Д. 190-1. К. 55). Аналогичные обрядовые действия были распространены весьма широко и носили, видимо, универсальный характер. Например, по традициям погребального ритуала польско-литовских татар, после того, как тело покойного заворачивали в саван, рядом клали *далавары* — бумажные листы с текстами молитв (Гришин 1995: 70).

Представляет значительный интерес случай прямого соответствия конкретного святилища сибирских татар с созданным в той же религиозной общине сакральным письменным памятником. Речь идет об известной *Тюрметяжской астане* (Селезнев 2013). Памятник расположен в 1,7 км к северу от деревни Тюрметяжи (тат. Оллы-бурень) Усть-Ишимского района Омской области на берегу живописного озера с примечательным именем Астана-бурень. Это озеро известно также как Оллы-бурень, отсюда происходит неофициальное наименование деревни. Озеро является старицей Ишима, в центре его находится округлый полуостров (в половодье превращающийся в остров), называемый местными жителями Астана-утрау. На полуостров в начале 2000-х гг. совершались коллективные паломничества, сопровождавшиеся молениями и общими трапезами. Озеро свято, по некоторым данным в нем запрещено брать воду и рыбачить. Жители окрестных русских деревень также называют озеро Святым. Информанты сообщают, что на берегу озера лежал большой камень, который был способен сам перемещаться с места на место. Говорят, что в 1960–1970-е гг. власти решили вывезти камень, являвшийся объектом религиозного поклонения, однако накануне он таинственным образом исчез.

Уникальная информация о памятнике сохранились в знаменитом географическом атласе С. У. Ремезова «Хорографической чертежной книге» (2011). На листе 107 этого труда изображено течение реки Ишим вблизи

Рис. 2. Празднование Курбан-Байрама. Мечеть поселка Большеречье Большереченского района Омской области. Фото А. Г. Селезнева. 21 августа 2018 г.

ее впадения в Иртыш. На левом берегу неподалеку от Ишимского острога имеются надписи «курганы» и «кладбище Она царя». И здесь же рядом с курганами и озером видно абсолютно отчетливо написанное и ясно читаемое слово *астана*, располагающееся под условным знаком, обозначающим культовое место (Селезнев, Селезнева 2015b; Хорографическая чертежная книга 2011 Т. 1: 107, Т. 2: 120; The Atlas... 1958: 107). Таким образом, *астана* неожиданно оказалась включенной в контекст политической истории сибирских ханств. В сибирских летописях Он-царь (хан Онсом) описывается как один из правителей Ишимского ханства (Дергачева-Скоп, Алексеев 2006: 125). Карта Ремезова не только документирует *астану* у деревни Тюрметяки как один из наиболее ранних из зафиксированных источниками памятников сибирских татар, но и связывает ее с перипетиями ранней загадочной политической истории Сибири (Коблова 2010; Маслюженко 2010). Интересно, что *астана* располагается вблизи ряда археологических памятников разных эпох, среди которых особенно заметно на фоне местного ландшафта городище Вертенис I (Тюрметяки VII). Местные жители данные памятники осмысливают в своеобразном культурно-историческом контексте: «Это могилы наших предков времен Чингис-ханова-Мамаева побоища», — заявляют они.

Согласно полевым материалам, на *Тюрметякской астани* похоронен шейх Бигач-Ата. Он прибыл в Сибирь из Средней Азии для распространения среди местных язычников ислама. Прибывшим религиозным

миссионерам приписывалась культурная функция: они научили местных жителей сеять хлеб, выращивать картофель и т. д. Кроме того, до 1990-х гг. в деревне, чаще всего, у муллы, хранился и передавался из поколения в поколение деревянный жезл, который называют *сэцэра* (букв. «родословная», на такие жезлы действительно наматывали свитки с рукописными текстами) или *укляв* (скалка). Предмет представлял собой деревянный цилиндр с двумя ручками и был украшен орнаментом.

Упомянувшийся информантами свиток *сэцэра*, видимо, представлял собой рукопись, содержащую обстоятельства исламизации Сибири и списки святых мест. Во всех рукописях такого рода есть сведения о *Тюрметякской астане* (Селезнев 2013). Важнейшим открытием последних лет стало выявление традиции создания сакральных текстов непосредственно в самом ауле Оллы-бурень (Тюрметяки). Созданный здесь текст — по-видимому, вариант упомянутого нашими информантами свитка, был обнаружен в архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Название списка — *Аш-шаджарат ал-авлия' мин билад Мавара'аннахр* («Родословная святых из страны Мавара'аннахр»). В традиционном для таких текстов каталоге святых могил среди прочих указано: «В устье Ишима, в юрте Улуг-Бурян, — Бигач-Ата-шайх. Из потомков господина Джалал ад-дина [в других вариантах в этом месте указан мавлави Джами. — прим. А. С.]». В ногах <у него> лежат три камня. Один камень всегда перемещался (букв. «совершал прогулки»)» (Бустанов 2009b: 201). Обратим внимание на практически дословное совпадение современных фольклорно-этнографических материалов с текстом приведенного письменного источника. Особенно это касается архетипически важного мотива бродячего камня.

Тюрметякскому святилищу отводится особая роль в суфийской ритуальной практике. Источник излагает цепь духовной преемственности (*силсила*) «почтенного» Бигач-Ата, приуроченную именно к «юрту Турмадак [Тюрметяки. — А. С.]». Нарочито «длинная» родословная была призвана упрочить притязания формирующейся религиозной элиты на духовное наследие в рамках конкретного локального сакрального пространства. Той же цели служат упомянутые в качестве духовных учителей крупнейшие религиозные авторитеты: основатель ордена Маулавийа Джалал ад-дин Руми (1207–1273) и великий персидский поэт и философ-мистик Нур-эд-дин 'Абд-р-Рахман Джами (1414–1492) (о них см. подробно: Кныш 2004: 178–187). Через приобщение к сфере сакрального происходило формирование новой духовной элиты и новых культурно-религиозных идентичностей. Случай столь высокой концентрации в одном комплексе связанных сакральных объектов — святилище, рукопись, археологические памятники, освященные элементы ландшафта — несомненно вводит *Тюрметякскую астану* в круг выдающихся религиозных памятников ислама в Сибири.

* * *

Несколько лет назад были опубликованы результаты научного исследования, приведшего к сенсационным результатам. Специалисты, изучавшие структуру ДНК, установили, что популяции, сформировавшиеся на местах расселения сибирских бухарцев, обнаруживают генетическое сходство не с группами Центральной Азии, как это естественно было бы ожидать, а с населением совершенно другого региона — Северным и Западным Кавказом (Agdzhoyan et al. 2016). Летом 2017 г. в ходе экспедиции мы выяснили, что жители сибирско-татарских деревень в Омской области уже осведомлены об этом открытии и обсуждают варианты его интерпретации. Не беря на себя смелость предугадать, каким образом указанные факты повлияют на развитие научного дискурса, рискнем предположить, что в народном сознании они в любом случае будут способствовать смещению вектора этногенетического мифа от «Бухары» в сторону «Кавказа».

Эмпирика сибирского ислама вполне соответствует конструкционистской (антиэссенциалистской) модели развития общественного, в том числе религиозного, сознания. В рамках обществ с такой идеологией принципиально невозможно выстраивание некоего монолитного религиозного дискурса, но при этом религиозный фактор (и прежде всего культ святых) выступает в качестве удобного инструмента национального конструирования и легитимизации элит. В ситуации отсутствия развитого теологического дискурса, культ святых принял на себя функцию формирования религиозного мировоззрения, что обеспечивает динамичное развитие данного культа в Сибири. В наши дни это проявляется в интенсивном «открытии» новых святынь, усилении роли элит, связанных со святыми подвижниками, инвенториальном характере культовых практик. Весьма удачно ситуацию охарактеризовал И. В. Белич: «Главная особенность ислама в культе святых у татар Сибири, пожалуй, состоит в том, что исламизация здесь все еще продолжается» (Белич 2014: 487). В обозримой перспективе можно прогнозировать дальнейшее развитие этих тенденций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

МАЭ ОмГУ. Ф. 1. 2007 г. Д. 190-1. К. 55. Материалы Средне-Иртышской этнографической экспедиции Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Записано от Хатиры Вагитовны Алеевой, 1924 г. р., д. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области. Соб. А. Г. Селезнев 2007 г.

Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар. Тюмень, 1999. Ч. 1.

Ахметова Ш. К. Кожа в этнической истории казахов Западной Сибири // Казанская наука. 2013. № 4. С. 12–14.

Бакиева Г. Т. «Быть в Тобольске в татарских головах...» (из истории рода служилых татар Кульмаметьевых) // Сибирские исторические исследования. 2015. № 4. С. 10–29.

Бахтияев Р. Ф. Шеджере сибирских татар (по списку Н. Ф. Катанова) как языковой источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.

Белич И. В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н. Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 153–171.

Белич И. В. Особенности ислама у сибирских татар // История татар. Казань, 2014. Т. 4: Татарские государства XV–XVIII вв. С. 480–487.

Белич И. В. «Знамена, почем познавать в чертеже какие места» (к вопросу о местонахождении могилы Ермака) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск, 2015. С. 51–68.

Белич И. В., Богомолов В. Б. Погребальный ритуал курдакско-саргатских татар // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 158–178.

Белич И. В., Бустанов А. К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Рах Islamica. 2010. № 2 (5). С. 39–58.

Бустанов А. К. Семейная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире. 2009а. № 1–2 (13–14). С. 45–61.

Бустанов А. К. Манускрипты суфийских шейхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2009b. С. 195–230.

Бустанов А. К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник, 2009–2010. М., 2011. С. 33–78.

Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. М., 2013.

Бустанов А. К., Белич И. В. К наследию сибирских суфиев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010. С. 211–216.

Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 97–105.

Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 136–145.

Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (наследники Золотой Орды). Казань, 1995.

Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская: исследование, текст и перевод: науч.-справ. аппарат факсимильного издания рукописи б-ки РАН (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006.

Зиннатуллина Г. И., Рахимов Р. Х., Яхин Ф. З. Новый источник по истории ислама в Сибири // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 427–433.

Ислам в истории и культуре Тюменского края. Тюмень, 2004.

Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Тюмень, 2007. Т. 1: Источники и историография.

Исхаков Д. М. Ислам в позднезолотоордынских татарских ханствах // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2002. С. 57–89.

Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006.

Исхаков Д. М. Институт сейидов в улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.

Исхаков Д. М. Исламские институты в татарских государствах // История татар. Казань, 2014. Т. 4: Татарские государства XV–XVIII вв. С. 440–480.

Исхаков Д. М. Распространение ислама в Сибири и его локальные особенности // История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015. С. 494–507.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007.

Катанов Н. Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1897. Вып. 7. С. 51–61.

Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань, 1904.

Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб., 2004.

Коблова Е. Ю. Ишимское ханство в источниках и историографии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 36–40.

Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск, 2003.

Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). СПб., 2013.

Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск, 2011.

Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Сер.: История и культура Золотой Орды. Казань, 2010. Вып. 11.

Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 9–21.

Маслюженко Д. Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.

Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.

Миков Л. Култова архитектура и искусство на хетеродоксните мюсюлмани в България (XVI–XX век). София, 2007.

Панченко А. А. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках // Сны и видения в народной культуре. Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 9–25.

Потанин Г. Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. 1884. Т. 11. С. 31–48.

Рабинович Е. И. Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета. Екатеринбург, 2013.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.

Рахимов Р. Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006.

Рахимов Р. Х. Институт Астаны // История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015. С. 519–531.

Резван М. Е. Герменевтика сновидения в контексте общемусульманской сновидческой реальности (на примере сновидений о Коране) // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. СПб., 2009. Вып. 2. С. 48–75.

Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик. СПб., 2011.

Сайфулина Ф. С., Хасанова М. С. Язык тоболо-иртышских татар. Фонетический аспект (на материале фольклора сибирских татар). Тобольск, 2008.

Самигулов Г. Х., Тычинских З. А. Новые источники по истории мурз Кульмамметевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 99–107.

Селезнев А. Г. Об одном успешном международном проекте Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (к выходу в свет книжки En islam Siberian. Paris: Edition de l'EHES, 2000. P. 341–356. (Cahiers du monde russe, 41/2–3) // История и культура Сибири. Омск, 2001. С. 120–128.

Селезнев А. Г. К распространению исламских сакральных комплексов Сибири: астана деревни Лугово-Аевск Тевризского района Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. 2. С. 58–61.

Селезнев А. Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111–119.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Священные манускрипты: к изучению культа святых в сибирском исламе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. 12. Ч. 2. С. 165–171.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Концепт астана и культ святых в исламе // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009а. С. 338–359.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Общение во сне: смотрители за священными могилами в сибирском исламе // Сибирский сборник — 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. СПб., 2009б. С. 39–49.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Культ святых как фактор формирования этнорелигиозной идентичности мусульман Западной Сибири // Orta Asya'da İslâm: Temsilden Fobiye. Ankara; Türkistan, 2012. Cilt. 2. С. 1207–1267.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Ритуальные практики в сибирском исламе: элиты, книги, сны // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 120–132.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Культ святых // История и культура татар Западной Сибири. Казань, 2015а. С. 508–519.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Мусульманские культовые комплексы Сибири в картографических материалах Семена Ульяновича Ремезова // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015б. № 4 (8). С. 165–173.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Ислам в Сибири: тенденции современных этноконфессиональных процессов // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул, 2017. Т. 3. С. 43–60.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Антропология ислама в Сибири: импульсы центральноазиатского влияния // Оазисы шелкового пути. Современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии: к 100-летию доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой. М., 2018. С. 824–840.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.

Соколовский С. В. Сновидческая реальность — бессознательное российской антропологии? // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 3–15.

Татауров С. Ф. Купцы Айтикины: несколько страничек к истории семьи // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А. В. Ваганова. Тара, 2010. Т. 2: Архивная секция. С. 78–87.

Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010.

Тюменский казьят провел ифтары в труднодоступных деревнях // Информационно-аналитический портал IslamRF.ru. 29.09.2008. URL: <http://islamrf.ru/news/rusnews/russia/4803/> (дата обращения: 30.03.18).

Фахрутдинов К. Х. Религия и человек. Из опыта тюменских атеистов, работающих среди мусульман. Свердловск, 1967.

Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска, 2011. Т. 1: Факсимиле. Т. 2: Исследования, текст, научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи.

Ярзуткина А. А. Ритуалы достатка: традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. СПб., 2012.

Ярков А. П. Ислам в Южной Сибири в Средние века // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул, 2014. Т. 1. С. 47–60.

Agdzhoyan A. T., Zaporozhchenko V. V., Skhalyakho R. A., Balanovsky O. P., Balanovska E. V., Kuznetsova M. A., Padyukova A. D., Dolinina D. O., Ulyanova M. V., Lavryashina M. B., Koshel S. M., Zhabagin M. K., Yusupov Y. M., Mustafin K. K., Tychinskih Z. A. Gene Pool of Siberian Tatars: Five Ways of Origin for Five Subethnic Groups // Molecular Biology. 2016. № 50 (6). P. 860–873.

Bukharaev R. Islam in Russia: the Four Seasons. Richmond, 2000.

Burton A. The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702. Richmond, 1997.

Bustanov A. The Sacred Texts of Siberian Khwaja Families, The Descendants of Sayyid Ata // Journal of Islamic Manuscripts. 2011. Vol. 2. P. 70–99.

Bustanov A. Notes on the Yasaviya and Naqshbandiya in Western Siberia in the 17th — Early 20th Centuries // N. Pinciola, P. Sartori (Eds.) Islam, Society and States across The Qazaq Steppe (18th — early 20th centuries). Wien, 2013. P. 69–93.

Dudognion S. A. (ed.) En islam Siberian // Cahiers du monde russe. 2000. № 41/2–3. P. 207–444.

Dudognion S. A. Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects // Asiatic Russia: Partnerships and Communities in Eurasia. New Delhi, 2009. P. 80–86.

Felek Ö., Knysh A. D. (eds.) Dreams and Visions in Islamic Societies. Albany; New York, 2012.

Frank A. J. Bukhara and The Muslims of Russia: Sufism, Education, and The Paradox of Islamic Prestige. Leiden, Boston, 2012.

Inan A. Sibirya'da islâmiyetin yayılışı // Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. 1968. Ser. 7. Sa. 50. P. 331–338.

Karabulatova I. S., Ermakova E. N., Shiganova G. A. Astana the Capital of Kazakhstan and Astanas in Siberia as a Linguistic Cultural Aspect of the National Islam of Eurasia // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis, Special Issue. 2014. P. 15–30.

Karabulatova I. S., Sayfulina F. S. Mytholinguistic Interpretation of Sacral Toponym Astana in Sociocultural Practice of the Siberian Tatars // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, № 5. P. 303–310.

Khusnutdinova L. G., Galiullina S. D., Ivanova O. M., Bilalova L. M., Sayfulina F. S. An Ideal World in the Medieval SUFI Literature of Siberian Tatars // Mediterranean Journal of Social Sciences. May 2015. Vol. 6. № 3. S. 4. P. 207–211.

Lifchez R. The Lodges of Istanbul // The Dervish Lodge: Architecture, Art, and Sufism in Ottoman Turkey. Berkeley, 1992. P. 73–129.

Noack Ch. Die sibirischen Bucharioten — eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft // Cahiers du monde russe. 2000. № 41/2–3. S. 263–278.

Sayfulina F. S., Karabulatova I. S., Yusupov F. Yu., Gumerov I. G. Contemporary Issues of Textual Analysis of Turkic-Tatar Literary Monuments of Western Siberia // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication). 2013. P. 492–496.

Seleznev A. G., Selezneva I. A. The Cult of Saints within Siberian Islam: Anthropological Approach to Studying of Pre-Soviet Tradition and Post-Soviet Transitions // Communities, Institutions And Transition In Post-1991 Eurasia. New Delhi, 2011. P. 425–435.

Şimşekler N. The Spread of The Mawlawiyya and The Reasons for Its Spread in The Aegean Region in The XVIth Century // Journal of Rumi Studies. 2007. № 1. P. 143–158.

Shulman D., Stroumsa G. G. (eds.) Dream Cultures: Explorations in the Comparative History of Dreaming. Oxford, 1999.

Tedlock B. (ed.) Dreaming: Anthropological and Psychological Interpretations. Cambridge, 1987.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov: Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow // Imago Mundi. Suppl. 1. S-Gravenhage, 1958.

ISLAM IN SIBERIA: SOME TRENDS OF ANTHROPOLOGICAL STUDY

ABSTRACT. The turn of the twenty first century was marked by rapid growth of research interest to the phenomenon of Siberian Islam. The paper discusses some trends in the anthropological studies of this issue. Muslim religious culture in Siberia developed on the basis of syncretistic, regional or “popular” variation of Islam. The cult of saints appears to

be the most remarkable manifestation of this Siberian form of Islam. Astana holy places, the center piece of this cult, demonstrate the connection of Siberia with other parts of the Islamic world. Special attention is paid to the transformation of the holy tombs inspectors institute. This institute serves as an important mechanism for the formation of religious elites. The paper discusses the rise of women role in the functioning of this institute, as well as the phenomenon of book culture of Siberian Muslims and the tradition of creation and ritual usage of local Islamic religious texts. Actualization and “discovery” of the holy places, strengthening of the role of religious elites, including inspectors of the holy tombs, and sacralization of hand-written and old printed religious books are considered as factors which contributed to the formation of the Islamic religious identity in Siberia.

Empirical data from Siberia correspond quite well with the constructionist (anti-essentialist) model of the development of a social (which also includes religious) mind. The formation of a certain monolithic religious discourse is essentially impossible within societies with such ideology. However, the religious factor acts as a convenient instrument of national construction and legitimization of elites.

KEY WORDS: anthropology of Islam, Siberia, cult of saints in Islam, Islamic religious elites, Islamic *astana complexes*, Islamic texts, religious identity

Alexander G. SELEZNEV — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

E-mail: seleznev@myttk.ru

REFERENCES

Agdzhoyan A. T., Zaporozhchenko V. V., Skhalyakho R. A., Balanovsky O. P., Balanovska E. V., Kuznetsova M. A., Padyukova A. D., Dolinina D. O., Ulyanova M. V., Lavryashina M. B., Koshel S. M., Zhabagin M. K., Yusupov Y. M., Mustafin K. K., Tychinskih Z. A. Gene Pool of Siberian Tatars: Five Ways of Origin for Five Subethnic Groups. *Molecular Biology*, 2016, no. 50 (6), pp. 860–873. (in English).

Akhmetova Sh. K. [“Koja” in Kazakh Ethnic History of Western Siberia]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2013, no. 4, pp. 12–14. (in Russ.).

Alishina Kh. Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar* [Onomastikon Siberian Tatars]. Tyumen: Tyumen State Univ. Publ., 1999, part 1, 240 p. (in Russ.).

Bakhtiev R. F. *Shedzhere sibirskikh tatar (po spisku N. F. Katanova) kak yazykovoy istochnik*. Avtoref. Kand. Diss. [Shedzher Siberian Tatars (According to the List of N. F. Katanov) as a Language Source. Abstract Cand. Diss.]. Kazan, 2013, 23 p. (in Russ.).

Bakieva G. T. [“Be in Tobolsk among Tatar Chiefs...” (From the Family History of the Tatar Servicemen Kulmametev)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2015, no. 4, pp. 10–29. (in Russ.).

Belich I. V. [“Znameniya, pochem poznavat v chertezhe kakie mesta” (to the Question about the Location of the Grave of Ermak)]. *Aktualnye voprosy obshchestvennykh nauk*:

sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya [Current Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History]. Novosibirsk: “SibAK” Publ., 2015, pp. 51–68. (in Russ.).

Belich I. V. [Features of Islam in Siberian Tatars]. *Istoriya tatar* [The History of the Tatars]. Kazan: Sh. Marjani Instit. of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, vol. 4, pp. 480–487. (in Russ.).

Belich I. V. [On Religious Wars by the Disciples of Bagahuddin Sheikh against West Siberian Pagans (to the Centenary of the Tobolsk Museum Manuscript Copies Published by N. F. Katanov)]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology & Ethnography], 2005, no. 6, pp. 153–171. (in Russ.).

Belich I. V., Bogomolov V. B. [Funerary Ritual of Kurdish-Sargat Tatars]. *Eksperimentalnaya Arkheologiya* [Experimental Archaeology]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Instit., 1991, iss. 1, pp. 158–178. (in Russ.).

Belich I. V., Bustanov A. K. [Notes on Sufi Traditions in Western Siberia]. *Pax Islamica*, 2010, no. 2 (5), pp. 39–58. (in Russ.).

Bukharaev R. *Islam in Russia: the Four Seasons*. Richmond: Curzon Press, 2000, 334 p. (in English).

Burton A. *The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702*. Richmond: Curzon Press, 1997, 664 p. (in English).

Bustanov A. Notes on the Yasaviya and Naqshbandiya in Western Siberia in the 17th — Early 20th Centuries. *N. Pianciola, P. Sartori (Eds.) Islam, Society and States across The Qazaq Steppe (18th — early 20th centuries)*. Wien: Osterreichische Akademie der Wissenschaften, 2013, pp. 69–93. (in English).

Bustanov A. The Sacred Texts of Siberian Khwaja Families, The Descendants of Sayyid Ata. *Journal of Islamic Manuscripts*, 2011, vol. 2, pp. 70–99. (in English).

Bustanov A. K. [Family chronicle of the Siberian Sayids: Shadzharal Risalasi (Text, Translation, Comments)]. *Islam v sovremennom Mire* [Islam in the Modern World], 2009, no. 1–2 (13–14), pp. 45–61. (in Russ.).

Bustanov A. K. [Sufi Legends about the Islamization of Siberia]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2009–2010* [Turkic Digest 2009–2010]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011, pp. 33–78. (in Russ.).

Bustanov A. K. [Sufi Shaykh Manuscripts: Turkestan Tradition on the Banks of the Irtysh]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kultury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2009, pp. 195–230. (in Russ.).

Bustanov A. K. *Knizhnaya kultura sibirskikh musulman* [The Book Culture of Siberian Muslims]. Moscow: Mardjani Publ. House, 2013, 264 p. (in Russ.).

Bustanov A. K., Belich I. V. [To the Heritage of Siberian Sufis]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2010, pp. 211–216. (in Russ.).

Bustanov A. K., Korusenko S. N. [Genealogy of the Siberian Bukharians: The Imyaminov Clan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2010, no. 2 (42), pp. 97–105. (in Russ.).

Bustanov A. K., Korusenko S. N. [Genealogy of the Siberian Bukharians: the Shikhovs]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2014, no. 4 (60), pp. 136–145. (in Russ.).

Dudognion S. A. (ed.) *En islam Siberian. Cahiers du monde russe*, 2000, no. 41/2–3, pp. 207–444. (in French).

Dudognion S. A. *Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects. Asiatic Russia: Partnerships and Communities in Eurasia*. New Delhi: Shipra, 2009, pp. 80–86. (in English).

Fakhrutdinov K. Kh. *Religiya i chelovek. Iz opyta tyumenskikh ateistov, rabotayushchikh sredi musulman* [Religion and Man. From the Experience of Tyumen Atheists Working among Muslims]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo, 1967, 47 p. (in Russ.).

Felek Ö., Knysh A. D. (eds.) *Dreams and Visions in Islamic Societies*. Albany; New York, 2012, 334 p. (in English).

Frank A. J. *Bukhara and The Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige*. Leiden, Boston: Brill, 2012, 215 p. (in English).

Inan A. *Sibirya'da islâmiyetin yayılışı. Türk Tarih Kurumu Yayınlarından*, 1968, Ser. 7, Sa. 50, pp. 331–338. (in English).

Grishin Ya. Ya. *Polsko-litovskie tatary (nasledniki Zolotoy Ordyy)* [Polish-Lithuanian Tatars (Heirs of the Golden Horde)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995, 192 p. (in Russ.).

Iskhakov D. M. [Islam in the Late Golden Horde Tatar Khanate]. *Islam v Srednem Povolzhe: istoriya i sovremennost* [Islam in the Middle Volga Region: History and Modernity]. Kazan: Master Layn Publ., 2002, pp. 57–89. (in Russ.).

Iskhakov D. M. [Islamic Institutions in the Tatar States]. *Istoriya tatar* [The History of the Tatars]. Kazan: Sh. Marjani Instit. of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2014, vol. 4, pp. 440–480. (in Russ.).

Iskhakov D. M. [The Spread of Islam in Siberia and its Local Features]. *Istoriya i kultura tatar Zapadnoy Sibiri* [The History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan: Sh. Marjani Instit. of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 494–507. (in Russ.).

Iskhakov D. M. *Institut seyidov v uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Institute of Seyyids in the Jochi Ulus and the Late Zolotordordsky Turkic-Tatar States]. Kazan: “Fan” Publ., 2011, 228 p. (in Russ.).

Iskhakov D. M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva* [Introduction to the History of the Siberian Khanate]. Kazan: Sh. Marjani Instit. of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 196 p. (in Russ.).

Iskhakov D. M., Izmaylov I. L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III — seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical History of the Tatars (3 — mid 16th Centuries)]. Kazan: “Shkola” Publ., 2007, 356 p. (in Russ.).

Islam na krayu sveta. Istoriya islama v Zapadnoy Sibiri [Islam on the Edge of the World. History of Islam in Western Siberia]. Tyumen: Koleso Publ., 2007, vol. 1, 418 p. (in Russ.).

Islam v istorii i kulture Tyumenskogo kraya [Islam in the History and Culture of the Tyumen Region]. Tyumen: “Ekspress” Publ., 2004, 272 p. (in Russ.).

Karabulatova I. S., Ermakova E. N., Shiganova G. A. *Astana the Capital of Kazakhstan and Astanas in Siberia as a Linguistic Cultural Aspect of the National Islam of Eurasia. Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*, 2014, pp. 15–30. (in English).

Karabulatova I. S., Sayfulina F. S. Mytholinguistic Interpretation of Sacral Toponym Astana in Sociocultural Practice of the Siberian Tatars. *Asian Social Science*, 2015, vol. 11, no. 5, pp. 303–310. (in English).

Khusnutdinova L. G., Galiullina S. D., Ivanova O. M., Bilalova L. M., Sayfulina F. S. An Ideal World in the Medieval SUFI Literature of Siberian Tatars. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, May 2015, vol. 6, no. 3, s. 4, pp. 207–211. (in English).

Knysh A. D. *Musulmanskiy mistitsizm: kratkaya istoriya* [Muslim Mysticism: a Brief History]. Moscow; St. Petersburg: “Dilya” Publ., 2004, 464 p. (in Russ.).

Koblova Ye. Yu. [Ishim Khanate in Sources and Historiography]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], 2010, no. 2, pp. 36–40. (in Russ.).

Korusenko M. A. *Pogrebalnyy obryad tyurkskogo naseleniya nizovev r. Tara v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i sodержaniya* [Funerary Ceremony of the Turkic Population of the Lower Reaches of the Tara River in the 17–20th Centuries: Experience in Analyzing the Structure and Content]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2003, 192 p. (in Russ.).

Korusenko M. A., Ozheredov Yu. I., Yarzutkina A. A. *Mifologiya sibirskikh tatar v simbolakh obrazov i veshchey (opyty prochteniya)* [The Mythology of the Siberian Tatars in the Symbols of Images and Things (Reading Experiences)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2013, 256 p. (in Russ.).

Korusenko S. N. *Sibirskie bukhartsy v nachale XVIII veka* [Siberian Bukharians at the Beginning of the 18th Century]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2011, 248 p. (in Russ.).

Kostyukov V. P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv. Ser. “Istoriya i kultura Zolotoy Ordy”* [The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13–14th Centuries. Ser. “The History and Culture of the Golden Horde”]. Kazan: “Fan” Publ., 2010, iss. 11, 200 p. (in Russ.).

Lifchez R. The Lodges of Istanbul. *The Dervish Lodge: Architecture, Art, and Sufism in Ottoman Turkey*. Berkeley: Univ. of California Press, 1992, pp. 73–129. (in English).

Maslyuzhenko D. N. [Siberian Princely Dynasty Taybugidov: the Origins of the Formation and Mythologization of Genealogy]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states], 2010, no. 2, pp. 9–21. (in Russ.).

Maslyuzhenko D. N. [The Sufi Orders Activities on the Territory of Tyumen and Siberian Khanates]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2015, no. 2 (34), pp. 5–9. (in Russ.).

Matveev A. V., Tataurov S. F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian Khanate: the Military-Political Aspects of History]. Kazan: “Fan” Publ., 2012, 260 p. (in Russ.).

Mikov L. *Kultova arkhitektura i izkustvo na kheterodoksnite myusyulmani v Blgariya (XVI–XX vek)* [Cult Architecture and Art of Heterodox Muslims in Bulgaria (16–20th Century)]. Sofia: Academic Publ. “Prof. Marin Drinov”, 2007, 579 p. (in Bulgarian).

Noack Ch. *Die sibirischen Bucharioten — eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft* [The Siberian Buchariots - a Muslim minority under Russian rule]. *Cahiers du monde russe*, 2000, no. 41/2–3, s. 263–278. (in German).

Panchenko A. A. [Sleep and Dream in Traditional Religious Practices]. *Sny i videniya v narodnoy kulture* [Dreams and Visions in Folk Culture]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2002, pp. 9–25. (in Russ.).

Rabinovich Ye. I. *Sny Probuzhdennykh: son i snovideniya v kulture, religii, politike Tibeta* [Dreams of the Awakened: Sleep and Dreams in Culture, Religion, Politics of Tibet]. Ekaterinburg: Humanitarian Univ. Publ., 2013. (in Russ.).

Rakhimov R. Kh. [Institute of Astana]. *Istoriya i kultura tatar Zapadnoy Sibiri* [The History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan: Sh. Marjani Instit. of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ.; “Artifakt” Publ., 2015, pp. 519–531. (in Russ.).

Rakhimov R. Kh. *Astana v istorii sibirskikh tatar: mavzolei pervykh islamskikh missionerov kak pamyatniki istoriko-kulturnogo naslediya* [Astana in the History of Siberian Tatars: the Mausoleums of the First Islamic Missionaries as Monuments of Historical and Cultural Heritage]. Tyumen: “Pechatnik” Publ., 2006, 62 p. (in Russ.).

Rezvan M. E. [Hermeneutics of a Dream in the Context of a Common Muslim Dream Reality (for Example, Dreams of the Qur’an)]. *Tsentrlnaya Aziya: traditsiya v usloviyakh peremen* [Central Asia: a Tradition in the Face of Change]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2009, iss. 2, pp. 48–75. (in Russ.).

Rezvan M. E. *Koran v sisteme musulmanskikh magicheskikh praktik* [Qur’an in the System of Muslim Magical Practices]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2011, 220 p. (in Russ.).

Samigulov G. Kh., Tychinskiy Z. A. [New Sources on the History of Murzas Kulmametev]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology & Ethnography], 2018, no. 1 (40), pp. 99–107. (in Russ.).

Sayfulina F. S., Khasanova M. S. *Yazyk tobolo-irtyshskikh tatar. Foneticheskiy aspekt (na materiale folkloro sibirskikh tatar)* [The Language of the Tobol-Irtysh Tatars. Phonetic Aspect (on the Material of the Siberian Tatars Folklore)]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Instit., 2008, 176 p. (in Russ.).

Sayfulina F. S., Karabulatova I. S., Yusupov F. Yu., Gumerov I. G. Contemporary Issues of Textual Analysis of Turkic-Tatar Literary Monuments of Western Siberia. *World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication)*, 2013, pp. 492–496. (in English).

Seleznev A. G. [About One Successful International Project of the Omsk Branch of the Joint Institute of History, Philology and Philosophy of the SB RAS (to the Publication of *En islam siberian*. Paris: Edition de l’EHESS, 2000. P. 341–356. (Cahiers du monde russe, 41/2–3)]. *Istoriya i kultura Sibiri* [History and Culture of Siberia]. Omsk, 2001, pp. 120–128. (in Russ.).

Seleznev A. G. [To the Spread of the Islamic Sacred Complexes of Siberia: Astana, Villages of Lugovo-Aevsk, Tevriszsky District, Omsk Region]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Siberian Village: History, Current State, Development Prospects]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2012, part 2, pp. 58–61. (in Russ.).

Seleznev A. G. [Islamic Siberian Cult Complexes of Astana as Hierotopy: Sacral Spaces and Religious Identity]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology & Ethnography], 2013, no. 2 (21), pp. 111–119. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. *Sibirskiy islam: regionalnyy variant religioznogo sinkretizma* [Siberian Islam: a Regional Version of Religious Syncretism]. Novosibirsk: Instit. of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS, 2004, 72 p. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Sacred Manuscripts: to the Study of the Cult of Saints in Siberian Islam]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2006, vol. 12, part 2, pp. 165–171. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Communication in a Dream: Caretakers of the Sacred Graves in Siberian Islam]. *Sibirskiy sbornik — 1: Pogrebalnyy obryad narodov Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Siberian collection — 1: The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS Publ., 2009, book 1, pp. 39–49. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Concept Astana and the Cult of the Saints in Islam]. *Tyurkologicheskyy sbornik 2007–2008* [Turkic Digest 2007–2008]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2009, pp. 338–359. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. The Cult of Saints within Siberian Islam: Anthropological Approach to Studying of Pre-Soviet Tradition and Post-Soviet Transitions. *Communities, Institutions And Transition In Post-1991 Eurasia*. New Delhi: Shipra Publications, 2011, pp. 425–435. (in English).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [The Cult of the Saints as a Factor in the Formation of the Ethnoreligious Identity of the Muslims of Western Siberia]. *Orta Asya'da İslâm: Temsilden Fobiye* [Islam in Central Asia: From Fobiye to Representation]. Ankara; Türkistan: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi Publ., 2012. S. 2, pp. 1207–1267. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Ritual Practices in Siberian Islam: Elites, Books, Dreams]. *Traditsionnaya kultura* [Traditional culture], 2013, no. 3, pp. 120–132. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Cult of saints]. *Istoriya i kultura tatar Zapadnoy Sibiri* [The History and Culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan: Sh. Marjani Instit. of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ.; “Artifakt” Publ., 2015, pp. 508–519. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Islamic Cult Complexes of Siberia in the Cartographic Materials of Semyon Ulyanovich Remezov]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Ser. Historical Studies], 2015, no. 4 (8), pp. 165–173. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Islam in Siberia: Trends in Modern Ethnic-Confessional Processes]. *Religioznyy landshaft Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov Tsentralnoy Azii* [Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia]. Barnaul: Altai State Univ., 2017, vol. 3, pp. 43–60. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Anthropology of Islam in Siberia: Impulses of Central Asian Influence]. *Oazisy shelkovogo puti. Sovremennye problemy etnografii, istorii i istochnikovedeniya Tsentralnoy Azii* [Oases of the Silk Road. Modern Problems of Ethnography, History and Source Study of Central Asia]. Moscow: Islamskaya kniga Publ., 2018, pp. 824–840. (in Russ.).

Seleznev A. G., Selezneva I. A., Belich I. V. *Kult svyatykh v sibirskom islama: spetsifika universalnogo* [Cult of Saints in Siberian Islam: the Specificity of the Universal]. Moscow: ID “Mardzhani” Publ, 2009, 216 p. (in Russ.).

Shulman D., Stroumsa G. G. (eds.) *Dream Cultures: Explorations in the Comparative History of Dreaming*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999, 336 p. (in English).

Şimşekler N. The Spread of the Mawlawiyya and the Reasons for Its Spread in the Aegean Region in The XVIth Century. *Journal of Rumi Studies*, 2007, no. 1, pp. 143–158. (in English).

Sokolovski S. V. [Dream Reality — An Unconscious of Russian Anthropology?]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2006, no. 6, pp. 3–15. (in Russ.).

Tataurov S. F. [Aytikin's Merchants: Several Pages to the Family History]. *Aktualnye voprosy istoriko-kulturnogo i prirodnogo naslediya Tarskogo Priirtyshtya: materialy V nauch.-prakt. konf., posvyashch. pamyati A. V. Vaganova* [Topical Issues of Historical, Cultural and Natural Heritage of the Tara Irtysh: Materials 5th Sci.-Pract. Conf., Dedicated in Memory of A. V. Vaganov]. Tara: A. A. Askalenko Publ. House, 2010, vol. 2, pp. 78–87. (in Russ.).

Tedlock B. (ed.) *Dreaming: Anthropological and Psychological Interpretations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987, 320 p. (in English).

Trepavlov V. V. *Sibirskiy yurt posle Yermaka: Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh* [Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and Kuchumovichi in the Fight for Revenge]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2012, 231 p. (in Russ.).

Tychinskikh Z. A. *Sluzhilye tatory i ikh rol v formirovanii etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (XVII–XIX vv.)* [Service Tatars and their Role in Shaping the Ethnic Community of the Siberian Tatars (17–19th Centuries)]. Kazan: "Fan" Publ., 2010, 288 p. (in Russ.).

Yarkov A. P. [Islam in Southern Siberia in the Middle Ages]. *Religioznyy landshaft Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov Tsentralnoy Azii* [Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia]. Barnaul: Altai State Univ., 2014, vol. 1, pp. 47–60. (in Russ.).

Yarzutkina A. A. *Ritually dostatka: traditsionnye zemledelcheskie, skotovodcheskie i promyslovye kul'ty sibirskikh tatar* [Rituals of Prosperity: Traditional Agricultural, Cattle Breeding and Trade Cul'ts of the Siberian Tatars]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2012, 311 p. (in Russ.).

Zinnatullina G. I., Rakhimov R. Kh., Yakhin F. Z. [A New Source on the History of Islam in Siberia]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], 2017, no. 10, pp. 427–433. (in Russ.).